



ХОЗЯЙКА ПОЕЗДА,  
КОТОРЫЙ ПРИХОДИТ  
ЗА МЁРТВЫМИ

НИКИТА КИЧКИН

Никита Кичкин

**Хозяйка поезда, который  
приходит за мёртвыми**

«Автор»

2026

**Кичкин Н.**

Хозяйка поезда, который приходит за мёртвыми / Н. Кичкин —  
«Автор», 2026

Ночной поезд приходит на площадь без рельсов и вручает Вере билет с датой её смерти. Проводник Ян обещает помочь ей изменить маршрут, но скрывает собственную связь с поездом. На станциях, которых нет на карте, Вера ищет погибшую сестру и того, кто подделывает билеты, заставляя предсказания сбываться. До четырёх семнадцати утра ей нужно разгадать правила поезда и решить, кому доверить свою жизнь — и сердце.

© Кичкин Н., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                                 |    |
|-------------------------------------------------|----|
| Глава первая. Билет на вчера                    | 6  |
| Глава вторая. Пассажир, которого не было        | 8  |
| Глава третья. Станция без названия              | 10 |
| Глава четвёртая. Книга, которой не было в описи | 12 |
| Глава пятая. Женщина в свадебном платье         | 14 |
| Глава шестая. Вокзал, который горел дважды      | 16 |
| Глава седьмая. Обожжённая рука                  | 18 |
| Конец ознакомительного фрагмента.               | 19 |

**Никита Кичкин**  
**Хозяйка поезда, который**  
**приходит за мёртвыми**

**Хозяйка поезда, который приходит за мёртвыми**  
**Никита Кичкин**

## Глава первая. Билет на вчера

В ту ночь, когда поезд остановился посреди площади, Вера Сольская впервые увидела собственную смерть в чужом кармане.

Площадь перед ратушей была вымощена белым камнем. Здесь не было ни путей, ни насыпи, ни даже места для разворота повозки. Тем не менее из тумана медленно вышел паровоз, с чёрным носом и латунным колоколом. Он не стучал колёсами. Он двигался так тихо, будто рельсы проложили внутри чужого сна.

Вера стояла под навесом пекарни и держала в руках пакет с хлебом. Ещё час назад она решила, что вернётся домой, заперёт ставни и больше не будет читать материнские письма. Теперь письмо лежало в её кармане, тёплое от ладони. В нём была всего одна просьба: «Когда придёт ночной поезд, не садись».

Дверь ближайшего вагона открылась. На подножку вышел проводник в синем мундире. Он был молод, красив той пугающей неподвижной красотой, какая бывает у восковых фигур, и носил на руке белую перчатку. Второй перчатки не было. Голая ладонь казалась обожжённой.

— Вера Сольская, — сказал он.

Она отступила. Хлеб ударил её по колену, бумажный пакет лопнул, и круглая буханка покатилась к колёсам.

— Вы ошиблись, — ответила Вера.

Проводник посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который пытается спорить с дождём.

— У меня билет.

Он поднял бумажный прямоугольник. На одной стороне было напечатано её имя. На другой — завтрашняя дата и время: четыре часа семнадцать минут утра.

Вера успела подумать, что это жестокая шутка. Потом увидела строку под временем. «Причина: падение с башни восточных часов».

Она никогда не бывала на башне восточных часов. Уже десять лет та стояла закрытой после пожара. Вера даже не знала, сохранилась ли внутри лестница.

— Мне завтра нужно в аптеку, — сказала она. Глупее слов она бы не придумала, даже если бы её попросили.

— Значит, успеете, если поезд не задержится.

Из вагона донёсся стук. Кто-то бил по стеклу костяшками пальцев. За окном стояла девочка лет двенадцати в промокшем красном пальто. Она прижала к стеклу листок с нарисованным солнцем. Вера узнала рисунок: солнце из девяти лучей, два длиннее остальных. Так рисовала её младшая сестра Лиза. Девочку похоронили семь лет назад.

Листок соскользнул. На стекле остался отпечаток маленькой ладони.

— Это она? — спросил проводник.

Вера схватилась за колонну навеса. Ей показалось, что площадь перевернулась, а поезд висит под ней, как мост над чёрной водой.

— Вы её знаете?

— Всех пассажиров приходится знать.

— Лиза умерла.

— Да, — сказал он. — А вы ещё нет.

Вера должна была убежать. Она прекрасно это понимала. Позвать ночной караул, бросить хлеб, бросить письмо, захлопнуть дверь пекарни. Вместо этого она вышла из-под навеса и подошла к вагону.

Девочка за стеклом исчезла. На её месте отразились часы ратуши. Они показывали одиннадцать пятьдесят девять.

— Если вы пришли за мной за день до смерти, значит, знаете, что произойдёт. Предупредите стражу. Закройте башню. Измените билет.

— Билет нельзя исправить чернилами.

Проводник сказал это без злорадства. Его лицо впервые ожило: в глазах мелькнула усталость, такая человеческая, что Вера рассердилась ещё сильнее.

— Тогда зачем вы здесь?

— За тем, кто напечатал ваш билет без разрешения.

Он разжал обожжённую ладонь. На коже лежала маленькая серебряная пластина с девятью прорезями. Вера видела точно такую же на материнском письме: там она оставила след вместо печати. Проводник заметил её взгляд.

— Ваша мать не попросила вас не садиться, — сказал он. — Она просила не садиться одной.

Вера достала письмо. На обороте, под складкой, проявились слова, которых раньше не было. Бумага пахла угольной пылью и яблочным мылом — так пахли руки матери, когда та возвращалась после ночных смен на вокзале.

«Не верь расписанию. Найди человека с обожжённой рукой. Он помнит, как поезд однажды вернулся пустым».

Часы ударили полночь. С каждым ударом вокруг площади становилось меньше окон. Дома будто отворачивались от поезда. Когда удар прозвучал в двенадцатый раз, проводник протянул Вере руку.

— Меня зовут Ян Рейтер. Вы можете остаться и пойти завтра на башню. Можете войти и узнать, кто хочет, чтобы вы туда поднялись. Выбор пока ваш.

Вера посмотрела на пустое окно, где только что стояла Лиза.

— Где она?

— В поезде нет мёртвых детей, Вера. В окне вам показали то, за чем вы пойдёте даже на край света.

Вместо утешения это прозвучало страшнее всего. Девочка была приманкой. Кто-то знал её лучше, чем она сама.

Вера положила хлеб на подножку и вошла в вагон.

Дверь закрылась у неё за спиной. Паровоз тронулся, хотя часы ратуши всё ещё показывали полночь. За последним окном площади Вера увидела себя под навесом пекарни. Другая Вера стояла с целым пакетом хлеба и смотрела вслед поезду.

Она ещё не решила, какая из них завтра упадёт с башни.

## Глава вторая. Пассажир, которого не было

Вагон пах сухими яблоками, мокрой шерстью и железом. Под потолком горели лампы в матовых плафонах. Каждая освещала только два кресла, оставляя проход в полосах тени. За окнами не было города. Там двигались крыши других городов, поля, чёрная река и одно бесконечное перронное зеркало, которое поезд всё никак не мог проехать.

Ян вёл Веру к купе проводника. Он не пытался коснуться её. После предупреждения о приманке это казалось почти вежливостью.

В первом ряду сидела старуха в свадебном платье, аккуратно зашитом на локтях. Она держала на коленях пустую клетку и тихо напевала. На её билете, приколотом к груди булавкой, стояло сегодняшнее число.

Во втором ряду молодой мужчина читал газету. Заголовок сообщал о наводнении, которого не случилось. Когда Вера проходила мимо, он сложил газету и спрятал в неё фотографию женщины с младенцем.

— Они все умрут завтра? — шепнула Вера.

— Большинство. Некоторые уже пережили свою дату.

— Так бывает?

— Должно. Поезд доставляет предупреждение, а не приговор.

Ян говорил так, словно повторял правило, давно утратившее силу. Вера заглянула в ближайшее пустое купе. На столике стояла чашка с горячим чаем. Рядом лежал билет без имени.

— Чьё место?

Ян остановился. У него заметно побелели губы.

— Здесь никто не ехал.

— Чай ещё дымится.

— Я знаю.

Они вошли в служебное купе. На стене висели расписания, написанные разными почерками. Под ними располагалась карта без названий: только линии, станции и маленькие круглые проколы. Ян снял мундирный китель и повесил на крюк. Ожог тянулся по его руке выше запястья. Вера увидела среди рубцов тонкие чёрные линии, похожие на буквы.

— Они меняются, — сказал Ян, заметив её взгляд. — Каждый раз, когда кто-то едет без билета.

Он отпер железный ящик и достал стопку карточек. Первая принадлежала старухе в свадебном платье. На второй значилось имя мужчины с газетой. Третья была пуста, но по её краям проступала вода.

— Этот пассажир сел на станции, которой нет на карте, — объяснил Ян. — Сегодня у нас уже третье пустое место. Ночью станет четвёртое, если мы не найдём печатника.

— Вы знаете, кто он?

— Я знаю, что его нет в живых.

Вера отступила к двери. Ян поднял глаза.

— Это не противоречие. Поезд однажды пришёл пустым, когда его должен был встретить мой отец. Он открыл двери, и из всех вагонов вышел один человек. Печатник. Через неделю отец умер, а расписание переписали. С тех пор поезд забирает людей раньше срока.

— Почему вы остались работать здесь?

— Потому что я видел, как отец закрыл за тем человеком дверь. И помню, что он просил меня не открывать её снова.

Ян вытащил нижнюю карточку. На ней было лицо Веры. Снимок она узнала: его сделали в шестнадцать лет для ученического пропуска в больницу. За семь лет до смерти Лизы.

— Откуда это у вас?

— Появилось сегодня. Ваш билет напечатан старым способом. Здесь нет отметки времени посадки, только времени смерти. Так делал человек, который создал поезд.

— Моя мать?

Ян не ответил сразу. Шум колёс на миг стал слышен, хотя раньше паровоз двигался беззвучно. Где-то в глубине вагона хлопнула дверь.

— Ваша мать помогала ему остановиться. Потом исчезла. Мне говорили, что она погибла в пожаре на вокзале.

— Мне говорили то же самое.

Вера взяла карточку. Бумага оказалась ледяной. На обороте проступали девять лучей солнца. Та же детская рука, тот же странный рисунок.

— Лиза это нарисовала.

— Это могла быть она?

— Лиза боялась поездов. После смерти матери она даже на обычный вокзал не ходила. Кто-то взял её рисунок из нашего дома.

Ян забрал карточку и поднёс к лампе. Между лучами проявилась надпись, слишком мелкая для пера. «До конца маршрута осталось семь станций».

Купе качнуло. Свет погас, затем вспыхнул снова. На стене, где висела карта, появился новый круглый прокол. Из него медленно капала вода.

— Шесть, — сказал Ян.

Вера услышала за дверью детский смех. Ей очень хотелось открыть и убедиться, что его не было. Она не двигалась.

Ян протянул ей связку ключей.

— Если я попрошу вас выйти из купе, не слушайте. У меня никогда не было второго ключа.

— А у кого первый?

— У вас в кармане.

Вера сунула руку в карман пальто. Вместо материнского письма там лежал тяжёлый медный ключ с обугленной головкой. Она точно помнила, как достала письмо на площади и положила обратно. Теперь его не было.

Снаружи голос Яна сказал:

— Вера, откройте. Я нашёл вашу сестру.

Ян, стоявший перед ней, медленно закрыл глаза. По обожжённой руке прошла новая чёрная буква.

## Глава третья. Станция без названия

Проводник из коридора постучал три раза. Ян в купе не шелохнулся. Вера держала ключ так крепко, что зубцы впились в ладонь.

— Он может войти? — спросила она почти беззвучно.

— Пока нет.

— А потом?

— Когда вы поверите, что я снаружи.

Вера хотела сказать, что не поверит. Но голос за дверью был точным. В нём слышалась та же хрипотца после долгого молчания, тот же короткий вдох перед её именем. Если бы настоящий Ян исчез на минуту, она не отличила бы его от подделки.

— Лиза ждёт у окна, — сказал голос. — Она помнит, куда мать спрятала книгу маршрутов.

Ян сжал край стола. Лампа над его головой замерцала.

— Он знает, что мы ищем.

— Мы ещё ничего не ищем.

— Ищем, — сказал Ян. — Просто вы пока не согласились.

Дверь открылась сама, на толщину пальца. За щелью никого не было. Вера увидела только коридор и отражение лампы в тёмном окне. В отражении между ней и Яном стоял мальчик в мокром форменном пальто. Он держал бумажный билет зубами.

Вера ударила дверью. От удара в коридоре зазвенело стекло. Ян схватил её за плечи, отвёл от окна. Его прикосновение было тёплым, неожиданно осторожным.

— Смотрите на меня.

— Там ребёнок.

— Я знаю.

— Вы сказали, в поезде нет мёртвых детей.

— Он жив.

Ян разжал пальцы и отступил, будто её страх обжёг сильнее его руки. Вера сама потянулась к нему, но поезд резко затормозил. Оба ударились о стол. За окном возник перрон, заваленный чемоданами. Над выходом висела белая табличка. Название станции с неё аккуратно соскоблили.

Колокол паровоза прозвенел один раз.

— Здесь не должны останавливаться, — сказал Ян.

Вера увидела на перроне женщину с фонарём. Та стояла спиной к поезду, но её походка, когда она сделала шаг, была знакомой до боли. Так ходила мать, неся тяжёлую сумку на одном плече. Мать умерла девять лет назад, в пожаре, который случился за два года до смерти Лизы. Вера успела забыть оттенок её голоса, но походку забыть не могла.

— Не смотрите на неё, — сказал Ян.

— Сначала Лиза, теперь мать. Он думает, я побегу за каждой тенью?

— Он проверяет, кого вам не хватит сил оставить.

Женщина обернулась. Это была не мать. Лицо незнакомки пересекал шрам, а на шее висел связанный из ниток колокольчик. Она подняла фонарь и показала Вере лист бумаги. Большие неровные буквы: «НЕ ВЕРЬ ЕМУ».

Ян увидел надпись. В его лице что-то изменилось, но Вера не успела понять что. Женщина на перроне погасила фонарь. Там, где она стояла, появился мальчик из оконного отражения.

Он поднял билет. На одной стороне была напечатана сегодняшняя дата. На другой — имя Яна Рейтера.

— Вы тоже пассажир, — сказала Вера.

— Каждый проводник им становится, когда смена заканчивается.

— На вашем билете сегодня.

Ян отвёл взгляд. Это было первым ответом, которому она поверила безоговорочно.

Двери вагона с шумом разошлись. Вера не стала ждать. Она выскочила на перрон, пока Ян пытался перекрыть проход. Воздух станции пах гарью и влажной бумагой. Мальчик отступил за груды чемоданов. Женщина со шрамом уже стояла у конца платформы и махала ей рукой.

— Меня зовут Мара! — крикнула она. — Если хочешь остаться живой, найди книгу до рассвета!

— Какую книгу?

— Ту, в которой есть ваш первый билет!

Мара бросилась между багажными тележками. Ян спрыгнул следом за Верой. Между ним и женщиной вспыхнула короткая, почти невидимая дуга света. Фонарь Мары разлетелся. Она упала, а мальчик остановился рядом с ней и впервые вынул билет изо рта.

— Отпустите её, — сказал Ян.

Вера не поняла, кому он это сказал. Мара лежала неподвижно. Мальчик смотрел на проводника. За их спинами стояли часы без стрелок.

— Ты обещал ей правду, — произнёс мальчик. Его голос был хриплым и взрослым. — Не откладывай ещё на одну станцию.

Ян открыл рот. Вместо слов с его обожжённой ладони сорвалась полоска чёрной бумаги. На ней было имя Веры и дата рождения Лизы.

Часы без стрелок ударили один раз. Поезд начал уходить.

Вера побежала к двери. Ян успел первым и протянул ей руку. Она прыгнула на подножку сама, не коснувшись его пальцев. Когда станция скрылась в тумане, Вера увидела на полу вагона бумажную полоску.

Под датой рождения Лизы стояла ещё одна строка: «Первый маршрут: возвращение».

Лиза не умерла в том году. По крайней мере, билет утверждал именно это.

## Глава четвёртая. Книга, которой не было в описи

До следующей станции Вера не произнесла ни слова. Она сидела в пустом купе с чашкой остывшего чая и смотрела на полоску бумаги. Дата рождения Лизы была указана верно. Имя — тоже. Но графа смерти оставалась пустой.

Ян пришёл через десять минут. Он не вошёл, остановился на пороге и поставил на стол новое блюдо. На нём лежал кусочек хлеба с той самой буханки, которую Вера оставила на подножке.

— Вы голодны.

— Вы лгали мне.

— Да.

Она ожидала объяснений, оправданий, новой ловушки. Простое признание сбило её с толку сильнее. Ян снял перчатку. Чёрная буква на коже стала похожа на крючок.

— Что случилось с Лизой? — спросила Вера.

— Я видел, как её посадили на поезд. Восемь лет назад. Она вышла через год, когда все считали её умершей.

Вера подняла голову.

— Семь лет назад мы похоронили Лизу. В гробу была она. Я сама...

Голос оборвался. Она помнила белый платок на волосах сестры, узкую ладонь, пятнышко на подбородке. Помнила тяжесть земли в лопате. Но когда попыталась представить лицо целиком, вышло лицо девочки из окна. Та же знакомая линия губ — и что-то чужое в глазах.

— Вы видели тело? — спросил Ян.

— Да.

— Вы уверены, что это было тело, а не последняя память о ней?

Вера ударила ладонью по столу. Чашка подпрыгнула.

— Не смейте разбирать моё горе как часы.

Ян принял удар без возражения. В его взгляде была не жалость, а стыд.

— Вы правы. Простите. Я хотел сказать, что она вышла. Куда пошла потом, я не знаю. Я должен был рассказать вам на площади, но боялся, что вы сойдёте на первой станции.

— Я и сейчас могу.

— Можете.

Он положил на стол металлическую табличку. На ней был выгравирован номер купе: ноль. Таких купе в вагоне не существовало. Вера обошла его дважды и знала это точно.

— Книга маршрутов хранится в нулевом купе, — сказал Ян. — Оно появляется только перед несчастьем. Печатник мог забрать его ключ у вашей матери. Тогда он получил доступ ко всем предупреждениям.

Вера вынула из кармана обугленный ключ и положила рядом с табличкой. Ян заметно выпрямился.

— Я хотел спросить о нём, — сказал он.

— Но сначала решили меня напугать?

— Я никогда его не видел. Отец говорил, что нулевое купе запирают без ключа.

Вера внимательно посмотрела на зубцы. Они не были обожжены. Чёрная корка покрывала только головку, где виднелся отпечаток девяти лучей. Такой рисунок не сделал бы пожар. Его вырезали сознательно.

— Ключ был у меня до посадки? — спросила она.

— На площади я его не видел.

— Значит, его положили уже здесь. Кто имел возможность?

Ян улыбнулся почти незаметно. Это был первый раз, когда он выглядел ровесником Веры.

— Наконец-то вопрос, на который можно отвечать честно. Я, вы, пассажиры первого вагона и тот, кто умеет ходить по дверям между станциями.

— Мальчик?

— Он не ходит. Его водят.

Вера взяла хлеб. Он был тёплым, хотя лежал в холодном вагоне. Она разломил кусок и обнаружила в мякише тонкую нитку с привязанным к ней бумажным свёртком. Ян поднял руку, предупреждая её не раскрывать, но опоздал.

На листке были всего три слова: «Проверь его билет».

В тот же миг поезд вздрогнул. Старуха в свадебном платье вскрикнула в соседнем вагоне. Вера бросилась в коридор. В конце его стояла открытая дверь, которой раньше не было. Над ней висела табличка с нулём.

Ян не пошёл следом. Он стоял, прислонившись к косяку, и смотрел на ключ в её руке.

— Если дверь появилась сейчас, кто-то уже внутри, — сказал он.

— Или хотел, чтобы мы так подумали.

Вера подошла к двери. Из купе доносился негромкий скрип пера. Она вставила ключ в замочную скважину. Он повернулся легко, но не открыл дверь. Напротив, запер её. Скрип прекратился.

Изнутри постучали девять раз.

— Вера, — произнёс голос матери. — Ты выросла.

Вера отступила, не выпуская ключа. Она почти слышала яблочное мыло в этом голосе. Но настоящий голос матери семь лет не звучал в её памяти. Поезд взял то, чего она не могла проверить, и вернул ей без доказательств.

— Если ты моя мать, — сказала Вера, — назови мою любимую книгу.

За дверью помолчали.

— У тебя не было любимой книги. Ты читала последнюю страницу первой, чтобы знать, стоит ли тратить ночь.

Вера закрыла глаза. Об этом действительно знала мать. И Лиза. И, возможно, тот, кто держал их воспоминания в нулевом купе.

— Это ещё ничего не доказывает.

— Знаю, — ответил голос. — Поэтому не открывай.

Кто-то с той стороны приложил ладонь к стеклянному окошку двери. Вера увидела тень пяти пальцев, а потом шестого. Она вздрогнула и шагнула назад. Ян оказался рядом, подхватил её под локоть. Он не спросил, что она видела.

— Отойдём, — сказал он.

— Там не мать.

— Может быть, часть её. Здесь это опаснее целого человека.

Он увёл Веру, оставив ключ в замке. Вера оглянулась. Над дверью больше не было нуля. Там висел номер её купе. Когда она моргнула, исчезла и дверь.

На полу осталась нитка из хлеба. Она вилась к соседнему вагону, как тонкая дорожка, и Вера поняла, что кто-то привязал её к свёртку не для тайного сообщения. Кто-то хотел привести их к нулевому купе ровно в тот момент, когда дверь откроется.

## Глава пятая. Женщина в свадебном платье

Старуху звали Эмилия Верн. Она прожила семьдесят четыре года, три раза выходила замуж за одного и того же человека и каждый раз считала свадьбу первой. Об этом рассказал её билет, но только после того, как Вера заметила на пальце Эмилиии три кольца.

— Мой Марк забывал всё, кроме дороги домой, — сказала старуха. — Когда память уходила, я знакомилась с ним заново. Мы назначали встречу в саду, спорили о погоде и женились. Я знаю, как звучит вторая попытка. В ней меньше музыки и больше смеха.

Эмилия сидела у окна, прижимая к коленям пустую клетку. Её предупреждение обещало утопление в колодце на заднем дворе. Она заявила, что колодец засыпали двадцать лет назад. Ян утверждал, что это настоящий билет: бумага несла водяной знак компании. Вера не верила ни бумаге, ни его словам.

— Вы знали мою мать? — спросила она.

Эмилия прищурилась.

— Ты похожа на неё, когда сердисься. Она тоже задавала вопрос так, будто ответ уже у неё в руках.

— Значит, знали.

— Она работала в архиве маршрутов. Не создавала поезд, если ты об этом думаешь. Кому под силу создать предупреждение? Можно только научиться его слышать.

Ян вошёл и поставил на стол карту. Эмилия заметила его обожжённую руку и замолчала. Между ними прошёл невидимый разговор, который Вера не собиралась пропускать.

— Вы знакомы, — сказала она.

— Эмилия была в поезде, когда он вернулся пустым, — ответил Ян.

— И я не люблю, когда молодые люди используют слово «пустой», — произнесла старуха.

— В нём ехало тридцать семь душ. Просто никто не смог их увидеть.

Ян медленно развернул карту. На ней вновь появились круглые проколы. Шесть станций до конца маршрута.

— Вы говорили, что отец открыл двери одному человеку, — напомнила Вера.

— Он увидел одного.

— А вы?

Ян промолчал. Эмилия закрыла клетку на маленький крючок.

— Мальчик тогда стоял у меня на коленях, — сказала она. — Живой, весь в саже. Он повторял, что нельзя отпускать женщину с книгой. Я подумала, он о матери. Но женщину с книгой на платформе встретил отец Яна. Они говорили, спорили. Потом она ушла в город. Через неделю архив сгорел.

Вера наклонилась ближе.

— Как выглядела женщина?

— Лицо у неё было в тени шляпы. Зато я помню руки: на правой было шесть пальцев.

Поезд будто слышал. Лампа над ними погасла. Ян быстро натянул перчатку.

— Вы могли сказать об этом раньше.

— Ты никогда не спрашивал, кого я видела, — ответила Эмилия.

Вера вспомнила отпечаток на стекле нулевого купе. Шесть пальцев. Значит, за дверью находилась не мать, а женщина из пустого поезда — или существо, умеющее принимать её голос.

— Где сейчас тот мальчик? — спросила Вера.

— Ездит, — сказала Эмилия. — Ищет человека, который сможет его узнать. Бедное дитя росло в одном и том же дне. А мы старели.

— Как его зовут?

Эмилия открыла рот и закрыла. Затем с неожиданной силой ударила клеткой по полу. Из прутьев выпала свернутая бумага.

— Если я скажу имя, его услышит и она, — прошептала старуха. — Не заставляй меня выбирать за него.

Вера подняла бумагу. Это была не записка, а аккуратно сложенный список пассажиров. В первой строке стояло имя матери: Зоя Сольская. В последней — Ян Рейтер. Напротив имени Яна графа даты была вырезана ножом.

— Зачем вы храните это? — спросила Вера.

— Чтобы помнить, что однажды сумела выйти, — ответила Эмилия. — И чтобы кто-нибудь другой не счёл это невозможным.

Снаружи раздался колокол. Поезд не замедлялся, но за окном появилась башня восточных часов. Она стояла на скале над чёрной водой, хотя Вера знала её в центре города, посреди площади. На верхней площадке мелькнула женщина в её пальто.

— Это снова приманка, — сказал Ян.

Вера смотрела на фигуру. Та подняла руку, и в ней блеснул ключ.

— Нет, — сказала Вера. — Это предупреждение. Если башня может оказаться здесь, мне не обязательно возвращаться в город, чтобы с неё упасть.

Ян увидел смысл её слов. Он начал сворачивать карту, когда Эмилия вдруг схватила его за рукав.

— Если она лжёт билетам, он больше не защищает пассажиров, — сказала старуха. — Перепиши маршрут, мальчик.

— У меня нет книги.

— Тогда перестань делать вид, что она нужна для первого шага.

Эмилия отпустила его. Ян вышел без ответа. Вера осталась и помогла старухе собрать выпавшие прутья клетки. Один оказался пустым внутри. Там хранился ещё один тонкий листок. На нём рукой Лизы были написаны четыре слова: «Маме нельзя возвращаться одной».

Вера спрятала листок. Теперь она точно знала: сестра была в поезде после официальной смерти матери. И кто-то годами оставлял для неё следы, но ни разу не решился прийти сам.

## Глава шестая. Вокзал, который горел дважды

Следующая остановка называлась Пепельной. Из окна она выглядела точно как старый вокзал Вериного города. Те же арки над кассами, те же часы с обломанной минутной стрелкой. Только стены были не белые, а покрытые тонким слоем золы. У входа стояли люди с чемоданами, все спиной к поезду.

Ян велел пассажирам не выходить. Вера вышла первой. На платформе было тепло, как в июле, хотя за окнами вагона до этого шёл снег. Она коснулась стены. На пальцах осталась сухая чёрная пыль.

— Здесь случился пожар? — спросила она.

— Здесь случается каждый раз, когда кто-нибудь его вспоминает, — сказал Ян.

У кассы стояла железная урна. Вера узнала её по вмятине на боку. В день пожара она с Лизой ждали здесь мать. Вера держала сестру за руку; Лиза жаловалась на запах дыма. Потом закричали люди. Вера помнила, как отец вывел их через боковую дверь. Но отца тогда уже не было в живых — он умер за месяц до пожара.

Она остановилась.

— Что вы вспомнили? — спросил Ян.

— Невозможное.

— Здесь много таких воспоминаний.

— Мой отец вывел нас из горящего вокзала. Я это помню. Только он умер раньше.

Ян посмотрел в сторону касс. Люди с чемоданами по-прежнему стояли спиной, но один слегка повернул голову.

— Иногда предупреждение оставляет в памяти исход, который не случился, — сказал Ян. — Человек проживает его как настоящий. Это помогает избежать смерти, но после становится трудно понять, что именно было.

— Кто придумал такую жестокую помощь?

— Не знаю.

Они прошли за кассы. Вера увидела дверь архива, к которой мать всегда прикладывала ладонь. Замок висел открытым. Внутри стояли стеллажи, полные пустых папок. На столе лежал лист учёта за ночь пожара. Строка «Зоя Сольская» была зачёркнута. Под ней значилось: «выведена проводником Рейтером».

— Ваш отец, — сказала Вера.

Ян поднял листок к свету. С обратной стороны проступала другая надпись: «Зоя Сольская вошла в нулевое купе по собственному желанию».

— Две записи для одного события, — сказал он. — Одну оставили в городе. Другую в поезде.

— Которая правда?

— Та, которую сумеем проверить не памятью.

Они начали искать в ящиках. Вера работала быстро, как в аптечном архиве: не доверяла названиям, смотрела на последовательность номеров. В середине шкафа не хватало девяти папок подряд. На каждой следующей бумаге стояла подпись одного и того же свидетеля: Марты Рейтер.

— У вас была сестра? — спросила Вера.

Ян резко обернулся.

— Мать.

— Вы не говорили о ней.

— Она ушла, когда мне было девять.

— Ушла или села в поезд?

Он опустил взгляд. Ожог под перчаткой будто шевельнулся.

Из-за стеллажа донёсся шорох. Вера обошла его и увидела мальчика в мокром форменном пальто. Он не убегал. Сидел на полу, прижав к груди конверт. Без билета в зубах лицо его стало обычным детским лицом, слишком усталым для его возраста.

— Ты можешь говорить? — спросила Вера.

Он кивнул.

— Как тебя зовут?

Он посмотрел на Яна и качнул головой.

— Кто дал тебе конверт?

Мальчик протянул его Вере. Внутри лежала половина снимка. На нём мать Веры стояла возле поезда, держа за плечо девочку в красном пальто. Рядом виднелась чужая рука с шестью пальцами. Лицо её обладательницы снимок не сохранил.

На обороте была дата: через три дня после официальных похорон Лизы.

Вера опустила на корточки. Мир сузился до краёв фотографии, криво отрезанных ножами.

— Это невозможно, — прошептала она.

— Ты всё ещё так говоришь, — сказал мальчик. — Лиза знала, что скажешь.

— Ты её видел?

— Она меня научила прятать билеты.

Ян сделал шаг, но мальчик поднял конверт как щит.

— Не подходи. Она слышит тебя через руку.

Вера взглянула на ожог Яна. Чёрные линии складывались в слова. Он заметил и спрятал руку за спину.

— Кто слышит? — спросила Вера.

Мальчик указал на дверь архива. За её матовым стеклом возникла тень женщины. Шесть длинных пальцев легли на косяк.

— Та, кто держит последний маршрут, — ответил мальчик.

Дверь ударилась о стену. Мальчик исчез между стеллажами. Ян потянул Веру за собой через служебное окно. Они выскочили на перрон как раз в тот миг, когда арки вокзала охватило пламя. Люди с чемоданами наконец повернулись. У каждого было лицо Веры в разном возрасте.

Она не побежала, пока Ян не схватил её за руку. На этот раз Вера ответила на его хватку и не отпустила до самого вагона.

## Глава седьмая. Обождённая рука

В служебном купе Ян впервые разрешил Вере осмотреть ожог. Он сидел на краю кушетки, рукав был закатан до локтя. Рубцы расходились от запястья к плечу, похожие на ветви засохшего дерева. Между ними чернели слова. Некоторые Вера могла прочитать: «верни», «дверь», «не она».

— Когда это произошло? — спросила она.

— В ночь пожара. Я пытался вывести женщину из нулевого купе.

— Мою мать?

— Я тогда не знал её имени. Мне было шестнадцать. Отец послал меня за инструментами, а сам пошёл к двери. Женщина из купе сказала, что отдаст книгу, если я введу её в город. Я не знал, что существует два голоса. Открыл дверь на один щелчок. Отец успел захлопнуть, но часть её осталась со мной.

— Это она пишет на коже?

— Да. Иногда показывает мне место, где будет следующая остановка. Иногда лжёт. Я различаю только после того, как кто-то заплатит за ошибку.

Вера взяла чистую салфетку, смочила водой и осторожно провела по коже. Чёрные буквы не смазались.

— Вы могли рассказать.

— На площади вы бы не вошли.

— Может быть. Но решили бы сами.

Ян смотрел на неё, не отводя глаз. Она видела, что он принимает упрёк, но это не делало его поступок лучше. Вера накрыла ожог сухой тканью и отошла.

— Мне нужно узнать, что стало с Лизой. Для этого мы работаем вместе. Больше никаких умолчаний.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.